

образуется родовой термин *истинностное значение* (быть истинностным — значит быть либо истинным, либо ложным; иметь значение истины или лжи [9, с. 219]).

3.2.2. Слово *ложь* при увеличении «количества» основного признака («несоответствие») переходит в новое качество: бессмыслица, бред, вздор, нелепость... Ср.: *довераться* — «Занимаясь враньем, дойти до нелепостей» [2, т. I, с. 414]; *наверять* — «Наговорить лжи, неправды; наговорить чепухи, вздору» [2, т. II, с. 335]. В то же время как бы много правды ни было сказано, правда остается правдой; сколь бы ни была относительна истина, однако абсолютная, вечная, совершенная истина есть все же истина. Поэтому слово *истина* аналогично неопредельным параметрическим прилагательным (о последних см. [8, с. 303]).

Данное обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, об осознании носителями языка максимума признака («соответствие») как нормы: истины не может быть «слишком много», но может быть «мало» (полуправда, правдоподобие) или не быть совсем (неправда).

Теперь, зная о большей абстрактности *истины* по сравнению с *ложью*, мы можем объяснить ряд фактов из первого раздела статьи.

3.3 *Ложь* и большинство Л-слов определяются через более абстрактные И-слова, и прежде всего через *истину*, отсюда и большая активность И-идентификаторов (см. 1.4). С другой стороны, менее абстрактные и общие Л-слова, включая и центральные *ложь, неправда*, не могут быть использованы в качестве идентификаторов в толкованиях И-слов (см. 1.3).

3.4. Чем абстрактнее слово, тем выше частота его употребления в речи [10, 11]. В этом и заключается причина большей частоты И-антонимов (см. 1.5). И-слова вообще частотнее Л-слов, тогда как хорошо известно, что языковых единиц с большей частотой употребления в речи всегда меньше, чем единиц с меньшей частотой (см., например, Таблицу распределения частот в [4, с. 895—915]), поэтому и в нашем семантическом поле И-слов, более частотных, меньше, чем Л-слов, менее частотных (см. 1.1).

3.5. Поскольку абстрактность слова, понимаемая как тенденция к минимизации средств выражения, распространяется и на его грамматическую сторону [5], постольку становится понятной относительная простота И-слов и грамматическая сложность Л-слов (см. 1.2).

4. Истолкование истины

4.1. Обсуждение проблемы истинности — концепта и слова — с необходимостью приводит к описанию способа явления истины. Иначе говоря, определить истину невозможно, не описав форму ее выражения, всегда включенную в ту или иную знаковую систему. Причем выражение истины, как правило, не является основной функцией такой системы, наоборот, возможность выражения истины есть следствие основной функции. Это верно, по крайней мере, для естественного языка, в котором первична и главенствует коммуникативная функция. Поэтому определение истины вторично и зависимо от определения коммуникации. Однако второе, несомненно, не менее сложно, чем первое, и для того, чтобы не уйти в бесконечность дефиниций все более и более абстрактных сущностей, сформулируем лишь одну из основных предпосылок, необходимых для осуществления коммуникации. Она состоит в констатации того тривиального факта, что речевой акт, основная единица естественной языковой коммуникации, возможен тогда, когда собеседники — говорящий (X) и слушающий (Y) — обладают известной степенью общности своих языковых и неязыковых знаний и речевых навыков, то есть «репертуар» отправителя X пересекается с «репертуаром» получателя Y [12, с. 90, 91]. Чем больше зона пересечения, тем эффективнее речевой акт, но если X и Y, пересекаясь, полностью совпадают друг с другом, то коммуникация невозможна, так как в этом случае нет никакого обмена информацией, впрочем, «в реальной ситуации так быть не может — в той мере,